

НИНА БОРИСОВНА МЕЧКОВСКАЯ

ПОСТСОВЕТСКИЙ РУССКИЙ ЯЗЫК: НОВЫЕ ЧЕРТЫ В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ*

1. Изменения в степени присутствия русского языка за границами его основной территории
2. Расширение состава социолингвистических ролей и юридических статусов русского языка
3. Новый статус русского языка на социолингвистической карте мира: *поли-национальный язык*
4. Тенденция к регионализации норм литературного русского языка в новых независимых государствах
5. Ослабление в ареалах бывшего соцлагеря национально-политической маркированности русского языка
6. Нейтрализация оппозиции литературного русского языка за рубежом и русского языка в России
7. Демократизация и либерализация РЯ на его основной территории
8. Русский язык: чей он?

0. За пределами ареалов русского языка (далее РЯ), населенных русскими в России, существует несколько типов языковых ситуаций, компонентом которых является РЯ. Различия между ситуациями обусловлены, во-первых, геополитически и, во-вторых, генеалогическими взаимоотношениями языков. Существенно различать следующие ареалы: 1) республики в составе Российской Федерации; 2) суверенные государства в составе СНГ, с важными различиями между ситуациями в странах с ближайше родственными государственными языками (Беларусь и Украина) и в странах с отдаленно родственными и неродственными языками (Молдова, государства Закавказья и Центральной Азии); 3) ближнее зарубежье за пределами СНГ: Литва, Латвия, Эстония (при том, что в каждой из трех стран Балтии языковые ситуации существенно различны); 4) Израиль; 5) дальнее зарубежье в условиях менее компактного (чем в Израиле) проживания русскоязычных эмигрантов.

*В основу статьи положен доклад автора, прочитанный на международной конференции "Русский язык: система и функционирование" в Белорусском государственном университете (Минск, 18–19 мая 2004 г.). Работа поддержана грантом Белорусского Фонда фундаментальных исследований (№ Г-03-54).

1. ИЗМЕНЕНИЯ В СТЕПЕНИ ПРИСУТСТВИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ЗА ГРАНИЦАМИ ЕГО ОСНОВНОЙ ТЕРРИТОРИИ

Расширение/сокращение присутствия РЯ в мире связано, во-первых, с миграцией русскоговорящих людей и, во-вторых, с сокращением преподавания русского языка за пределами РФ. Второй фактор обуславливает уменьшение количества зарубежных граждан, в той или иной мере владеющих РЯ как иностранным, а также людей, занятых учебно-педагогической, издательской и/или исследовательской работой “вокруг РЯ”.

Миграция русскоговорящих происходит по двум встречным (в Россию и из России) направлениям: несколько миллионов русскоговорящих людей из бывших союзных республик переехали на постоянное жительство в Россию; более 3,5 млн русскоговорящих людей эмигрировали из России в Израиль и страны дальнего зарубежья (Европа, США, Канада). Сводные цифры в литературе вопроса мне неизвестны (см., в частности, РЭС 2000; Красильникова (ред.) 2001; Русский язык 2001; Алпатов 2003; Чельшев (ред.) 2003; Швецова 2003), однако данные по отдельным странам в какой-то мере позволяют представить картину в целом.

Из Советского Союза/СНГ в Израиль с 1989 по 1998 г. переселилось более 800 тыс. человек, при этом по сравнению с семидесятыми годами эмиграция выросла в 8 раз (Шагаль 2003, 114). В современном Израиле русский язык занимает 5-е место по распространенности (из 29 языков еврейских переселенцев из разных стран).

По официальным данным ФРГ, приводимым в Meng (2001), с 1980 по 1997 г. Германия приняла 1,6 млн переселенцев из Советского Союза/СНГ. Русскоязычную диаспору в Германии составили два основных потока: 1) “русские немцы” – потомки немецких колонистов, которые в разное время (со времен Екатерины II) селились в России и в годы сталинизма были частично депортированы в Казахстан и Сибирь; 2) евреи стран СНГ, которым правительство ФРГ предоставило право на постоянное жительство в Германии.

В Австрии живет около 10–15 тыс. русскоязычных. Это цифра включает 6–10 тыс. евреев, которые с начала 70-х гг. до конца 90-х гг. иммигрировали в Австрию на постоянное жительство. С 1988 по 1998 г. численность проживающих в Вене граждан бывшего Советского Союза выросла с 606 до 3816 человек, при этом более половины приехавших осело в Вене; значит, во всей Австрии общая численность постсоветской иммиграции близка к 8 тыс. человек (Бидер 2003, 262).

В постсоветских странах процент оставшегося русскоязычного населения колеблется в широких пределах – от 4–5% (как в Таджикистане и Узбекистане) до 40–45% всего населения (как в Казахстане, Киргизии, Латвии). Особый случай представлен в ситуациях в Украине и Беларуси, где РЯ является основным языком не только этнических русских, но и миллионов украинцев и белорусов (подробнее см. раздел 2.3.).

Мера спокойствия языковых ситуаций в СНГ и странах Балтии существенно зависит от пропорций разных по языку групп населения. Это видно на примере стран Балтии: еще по данным советских переписей было заметно тревожное снижение численности латышей по отношению ко всему населению Латвии (в сопоставлении с аналогичными показателями в Эстонии и Литве; см. таблицу 1). Различия связаны с особенностями социально-экономического развития республик: в Латвии больше (чем в Литве и Эстонии) было крупных портов, заводов военно-промышленного комплекса, военных баз; кроме того, в Риге был расквартирован штаб Прибалтийского военного округа и ряд военных училищ и вузов (например, авиационный институт); поэтому в послевоенной Латвии работали тысячи людей, приехавших или направленных сюда из разных регионов СССР.

Таблица 1. Динамика численности латышей, эстонцев и литовцев по отношению к общей численности населения в соответствующей республике

Страны Балтии	Процент населения титульных национальностей по годам переписи		
	1959	1979	1989
Латвия	62,0	56,8	53,0
Эстония	74,6	68,2	64,0
Литва	79,0	80,0	78,7

Источники: Итоги 1973; Итоги 1989; Национальный состав 1991.

После распада СССР русскоязычное население Латвии остается не только многочисленным, но и социально успешным. Бизнес Латвии – преимущественно русскоязычный. Как выразился один рижский журналист, есть опасность, что капитанами корабля “Латвия” будут не латыши. В этом коренятся причины конфликтов, связанных с установлением пропорций между языками обучения в рижских русскоязычных школах.

Итоговый баланс сокращений и расширений присутствия РЯ в постсоветском мире в количественном плане – отрицательный: русскоязычных людей из России уехало меньше, чем приехало в Россию, однако при этом миграция на Запад, за пределы бывшего СССР, выросла в сотни раз. Из преподавания РЯ за пределами России ушло политически навязанное распространение языка. Однако в этом количественном сокращении существен этический момент: в межгосударственных отношениях с зависимыми от СССР странами преподавание РЯ было принудительным, что плохо; для позитивного от-

ношения к РЯ в мире важно, чтобы за его изучение принимались по собственному выбору.

2. РАСШИРЕНИЕ СОСТАВА СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ РОЛЕЙ И ЮРИДИЧЕСКИХ СТАТУСОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

2.1. *Израиль и Запад*

Количественный рост русскоязычной эмиграции усилил культурное присутствие РЯ в Израиле и на Западе. Это проявляется в создании новых русскоязычных СМИ (газет и журналов, теле- и радиопрограмм), в расширении издательской, культурно-развлекательной, церковной, образовательной, а также торговой и туристической деятельности на РЯ.

Естественно, что эти тенденции сильнее всего проявляются в Израиле, где сравнительно компактно живет, как пел Высоцкий, “на четверть бывший наш народ”. По данным В. Э. Шагаль, в Израиле в конце 90-х гг. выходило около 30 русскоязычных газет, в том числе несколько ежедневных; организована трансляция двух программ российского телевидения; из 6 профессиональных театров Израиля – один русскоязычный (Шагаль 2003, 121). “В Израиле живут сотни тысяч людей, думающих и говорящих по-русски. Они принадлежат и еще долго будут принадлежать русской культуре и русской истории. Нынешнее состояние языковой и культурной ситуации можно охарактеризовать как своего рода процесс «русификации» Израиля, что нашло свое выражение хотя бы в том, что Израиль превратился в крупнейший, после самой России, центр литературного творчества на русском языке” (Шагаль 2003, 117). Однако большого притока новых переселенцев из СНГ не будет – практически уехали все, кто хотел. Русскоязычная иммиграция в Северную Америку в перспективе является более долговременной и равномерной. В США русскоязычная диаспора живет менее компактно, чем в Израиле, поэтому здесь переходят на английский быстрее, чем в Израиле на иврит.

Ни в Израиле, ни в Северной Америке или Европе русскоязычные сообщества не имеют статуса национального меньшинства; соответственно не имеет официального (юридического) статуса и РЯ.

2.2. *Тюркоязычные государства Центральной Азии и Татарстан*

В новых независимых государствах, а также национальных республиках в составе Российской Федерации, несмотря на общее сокраще-

ние культурного присутствия РЯ, наметились определенные новые тенденции, создающие позитивные перспективы для РЯ.

При всем сокращении объемов коммуникации на РЯ в ряде государств СНГ русский язык продолжает использоваться в образовании, СМИ и документообороте. Судя по дискуссиям о языке в СМИ и Интернете, использование РЯ не связано с гуманитарными или дипломатическими решениями, но является вынужденным. Оказалось, что без РЯ не обойтись, во всяком случае, в настоящее время. Вместе с тем, вполне возможно, что в странах с небольшим количеством русскоязычного населения, как, например, в Узбекистане, такая ситуация является временной.

В современном Узбекистане русские составляют 4,8% от общей численности населения. Однако РЯ в какой-то мере сохраняется в культурном обиходе части узбеков. В многонациональном Ташкенте, городе вузов, многие узбеки, в том числе президент Каримов, владеют РЯ заметно лучше, чем узбекским (Подпоренко 2003). Делопроизводство ведется на РЯ; впрочем, по прогнозам Ю. Подпоренко, через 3–4 года оно будет переведено на узбекский. Хотя русская община поднимает вопрос о “придании русскому языку статуса языка межнационального общения”, однако, как считает Ю. Подпоренко, правительство вряд ли будет даже рассматривать это предложение. Как и во всех тюркоязычных странах СНГ и республиках в составе Российской Федерации (Татарстан, Башкирия), в Узбекистане сильны пантюркизм и ислам. С идеологией пантюркизма, в частности, связан переход узбекского письма с кириллицы на латиницу.

Таким образом, РЯ в Узбекистане является миноритарным языком без юридического статуса, сохраняющим некоторые важные социальные функции (язык делопроизводства, язык высшего естественно-научного, медицинского и технического образования).

В Казахстане, где около 40% населения составляют русские и русскоязычные граждане, позиции РЯ более прочны, чем в Узбекистане, но именно поэтому и национально-языковых проблем больше. По казахской конституции и Закону о языках, в стране один государственный язык – казахский, однако в пункте 2 статьи 7 сказано: “в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык”. Эта двойственность основного закона отражает жизненные коллизии Казахстана. Национально-языковые проблемы здесь стоят остро: за годы перестройки и суверенитета из Казахстана уехало более миллиона русских и русскоговорящих; миграция не утихает до сих пор.

Делопроизводство в Казахстане ведется на русском. Судя по парламентским слушаниям “О выполнении закона о языках в Республике Казахстан” (май 2000 г.), казахскую общественность не удовлетворяет степень использования казахского языка в администрации и

культуре. Например, до сих пор говорится о необходимости ограничений по признаку языковой компетентности при приеме на государственную службу: принимать только людей, владеющих казахским языком. Казалось бы, подобные задачи должны были быть решены в первые годы суверенитета, однако этого не произошло.

Киргизия испытывает аналогичные трудности с заменой РЯ киргизским в специальных сферах деятельности и высшем образовании. Кроме того, в Киргизии РЯ издавна использовался как лингва франка, поскольку киргизские диалекты настолько разошлись, что взаимно малопонятны. С учетом этих проблем, а с другой стороны, стремясь удержать от эмиграции русскоязычное население (это, как правило, специалисты, в том числе высококвалифицированные рабочие), в декабре 2001 г. президент Киргизии утвердил поправку к конституции страны, закрепившую за РЯ статус официального наравне с киргизским.

В Татарстане (республика в составе Российской Федерации), где татары составляют 48,5% населения, а русские – 43,3%, РЯ по-прежнему преобладает в образовании и управлении. В 1998 г. менее половины татарских детей (47%) обучалось на родном языке; в 8 из 20 татарских вузов к 1999 г. не было открыто ни одной группы с татарским языком обучения; “общее число студентов, обучающихся на татарском языке, составляет около 10%” (Байрамова 2001, 186).

2.3. Украина и Беларусь

В таблице 2 может показаться парадоксальным само наличие процентных расхождений между второй и четвертой строчками: оказывается, для миллионов украинцев и белорусов, живущих в стране своего родного языка, он не является в их коммуникации основным языком! Эти люди говорят по-русски; многие из них, особенно в городах, выросли в семьях, где также говорили по-русски, т. е. их первым языком (в психолингвистическом смысле – родным, *mother tongue*) был РЯ. Однако в переписях своим родным языком они называют язык своей страны и своего народа (понятно, что в ответах украинцев/белорусов удельный вес подобной языковой самоидентификации (по национально-государственному признаку) выше, чем для всего населения Украины/Беларуси, – соответственно 87,7 и 85,6%). Называя своим родным языком украинский/белорусский, граждане своим ответом стремятся укрепить национально-государственную отдельность и суверенность своей страны. При этом они сами видят (хотя, может быть, с разной отчетливостью) коллизию между собственным

Таблица 2. Некоторые этнические и языковые параметры ситуации в Украине и Беларуси

Параметр	Украина 1989 г. 51,4 млн (%)	Беларусь 1999 г. 10 млн (%)
Относительная численность титульной нации и русских по отношению ко всему населению страны	72,7 22,1	81,2 11,4
Процент граждан (независимо от этнической принадлежности), назвавших своим родным языком украинский/белорусский	64,6	73,7
Процент граждан (независимо от этнической принадлежности), назвавших своим родным языком русский	32,25	24,1
Процент граждан (независимо от этнической принадлежности), в коммуникации которых основным языком назван украинский/белорусский	44–57 (Тараненко 2003)	36,7

Источники: По Украине – Национальный состав 1991 (первые три строки) и Тараненко 2003 (4-я строка); по Беларуси – Население 2000.

патриотическим самосознанием и языковой повседневностью своей жизни.

Цифры в последней строке таблицы говорят о том, в какой мере граждане хотят или хотели бы, чтобы в их странах в повседневной жизни звучал национальный язык. При этом, естественно, при массовом анкетировании трудно выяснить, какой язык имели в виду информанты, – литературный или “просто язык”, “вообще белорусский” или “вообще украинский”. Между тем для Беларуси и Украины оппозиция ‘литературный язык–субстандартный язык’ важна не столько в нормативно-стилистическом плане, сколько в аспекте двуязычия: субстандартный язык в Украине и Беларуси – это прежде всего русифицированная украинская и белорусская речь городского и сельского населения (так называемые укр. *суржик* и бел. *трасянка*). В отличие от переходных русско-украинских/русско-белорусских говоров, в “суржике”/“трасянке” отсутствует узус: они представляют собой континуум в разной степени русифицированных идиолектов – в пропорциях, так сказать, “от капли воды в кувшине вина до капли вина в кувшине воды”.

Субъективное намерение (при выборе языка) говорящего на трасянке/суржике (как и субстрат в языковой биографии говорящего) может быть разным: один человек хочет говорить по-русски (всегда или иногда), но на практике смешивает его с

белорусским/украинским языком; другой хочет говорить по-белорусски/по-украински (кто всегда, кто иногда), однако в его речи оказывается столько русизмов, что постороннему она покажется русским языком с белорусским/украинским акцентом.

В сравнении с литературным РЯ в России, нормированные белорусский и украинский языки элитарны: их отличия от окружающей субстандартной речи более весомы и заметны, чем отличия литературного РЯ от своего субстандarta; владение литературным белорусским/украинским требует самоконтроля, который отсеивал бы русские слова, постоянно всплывающие в сознании (из окружающей речевой практики). Поэтому овладеть литературным белорусским/украинским труднее, чем для русского человека в России усвоить стандарт РЯ. В Беларуси и Украине безупречная (т. е. без русизмов) белорусская/украинская устная речь встречается значительно реже (конечно, в относительном измерении), чем в России кодифицированная русская публичная речь.

По характеристике А. А. Тараненко, “суржик – это разговорный язык и основной способ общения большинства украиноязычного населения страны” (Тараненко 1999, 58). В Беларуси степень русифицированности субстандартной речи, включая белорусские диалекты, в целом выше, чем в Украине. Столетия русификации, а в последние полвека и бурное развитие СМИ, в особенности телевидения, привели к тому, что в современном белорусском и украинском языках не сложилась “собственная”, не русифицированная, разговорная и вместе с тем “правильная” (литературная) речь, которая бы дополняла и питала кодифицированный язык. История литературного белорусского языка в XX в. состояла не столько в выработке наддиалектного языка, сколько в “языковом строительстве”, сознательно дивергентном по отношению к русскому языку.

Украинский историк литературы академик Иван Дзюба, давний борец с русификацией (см. Дзюба [1966] 1973), охарактеризовал языковую ситуацию в Украине 1998 г. как “критический уровень русификации” (Дзюба 1998, 26). Пять лет спустя присутствие РЯ в повседневном общении и в украинских СМИ расширилось.

Что касается сферы образования, то приводимые А. А. Тараненко (1999, 46–52) цифровые данные за несколько лет показывают, что на трех основных уровнях образования (детские сады, средняя школа, вузы) обучение на украинском языке расширилось, хотя и с громадными различиями по отдельным регионам Украины и в разной мере для разных ступеней образования. В среднем по Украине воспитание/обучение на украинском языке за период с 1991 по 1996 г. выросло в детских садах с 51 до 69%; за то же время в средних школах – с 48 до 60%; в вузах (за период с 1992/93 по 1996/97 учебный год) – с 37 до 56%. Налицо, таким образом, успехи в украинизации образования. Впрочем, в работе Тараненко (2003, 46), со ссылкой на источник 2000 г., указан процент студентов, обучающихся в Украине на РЯ, противоречащий приведенным данным, – 57%. Здесь же назван объем русскоязычной продукции на книжном рынке Украины – около 90%. В белорусской ситуации РЯ присутствует значительно шире, чем в украинской (см. подробно Мечковская 2003).

2.4. Новые юридические статусы русского языка

Согласно законам “О языках в Украинской ССР” (принят 28.10.1989) и “О языках в Белорусской ССР” (26.01.1990), украинский/белорусский язык имеет статус государственного языка. Статус русского языка в украинском и белорусском законах не был специально дефинирован, однако в законах фигурировала советская формула “русский язык как язык межнационального общения” (в отличие от них, в законах, принятых в прибалтийских, тогда еще советских, республиках, указанное клише отсутствовало; специально см. Мечковская 1992; напечатано в Мечковская 2003).

В Беларуси по инициативе президента А. Лукашенко в 1995 г. был проведен референдум, один из четырех вопросов которого касался языка и звучал так: “Хотите ли Вы, чтобы русскому языку был придан статус, равный с белорусским языком?”. На него ответило положительно 83,3% голосовавших.

В Украине на протяжении 1990-х–начала 2000 г. отмечено несколько волн движения за придание РЯ статуса второго государственного или официального языка (Тараненко 2003, 41). В 1994 г., во время кампании президентских выборов, Л. Кучма, который вел кампанию на РЯ и воспринимался как сторонник сближения с Россией, в предвыборных речах обещал добиться повышения юридического статуса РЯ в Украине. Все аналитики признают, что именно социолингвистические обещания Кучмы обеспечили ему голоса, достаточные для избрания президентом.

После избрания Кучмы закон о языках не пересматривался, однако процесс украинизации замедлился. Вообще, по мере укрепления суверенитета Украины, как и других новых независимых государств, вопрос о языках стал терять прежнюю остроту (см. об этом ниже).

Таким образом, после распада СССР в официальном статусе РЯ появились новые черты: 1) в Российской Федерации РЯ имеет юридический статус государственного языка, функционируя в этом качестве также и на территории национальных республик в составе Федерации, наряду с государственными языками соответствующих автономий; 2) в Беларуси РЯ стал вторым государственным языком; 3) в Киргизии РЯ имеет статус официального языка, при этом киргизский имеет более высокий статус государственного языка; 4) в Казахстане РЯ не имеет статуса официального языка, но может “официально использоваться” “наравне с казахским языком”; 5) в Украине РЯ был не раз, так сказать, “номинирован” на статус

“официального”, однако законодательное решение не принималось; 6) в законах ряда стран СНГ РЯ характеризуется как “язык межнационального общения”; однако это клише отсутствует в законах прибалтийских государств, а также Узбекистана; 7) в законах стран Балтии и некоторых стран СНГ РЯ не упоминается (в качестве, допустим, языка части населения или языка национального меньшинства и т. п.), т. е. РЯ оказывается языком без юридического статуса. В ряде новых государств РЯ оказался в небывалой прежде и потому экзотической и травмирующей русских позиции миноритарного языка, нередко дискриминируемого.

3. НОВЫЙ СТАТУС РУССКОГО ЯЗЫКА НА СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАРТЕ МИРА: ПОЛИНАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК

С распадом СССР и по мере укрепления суверенитета новых независимых государств, в которых РЯ в той или иной мере продолжает присутствовать, социолингвистический статус РЯ претерпевает изменения. Русский язык, давно входящий в клуб “мировых языков” (который во 2-й половине XX в. образуют 6 рабочих языков ООН), с распадом СССР и окончанием холодной войны включается также и в число тех языков, которые широко распространены за пределами своей исконной территории, в том числе в суверенных государствах, где такие “отпочковавшиеся” языки приобретают свой фактический или юридический статус, а также региональные отличия от “стволового языка” (*Stammsprache*) бывшей метрополии.

“Стволовые языки” называют “полинациональными”, или “полигосударственными”, а их варианты в той или иной стране – “национальными вариантами литературного языка”. Предлагались, впрочем, также термины “национальный диалект”, “региональный язык”, “этнолект” и др. (см. Степанов 1963, 9; Brook 1972, 13, 28; Bailey 1973, 11; Жлуктенко (ред.) 1981, 5–15). С учетом того, насколько самостоятельная и полнокровная жизнь иногда складывается у “отпочковавшихся” языков, предлагалось такие языки, перерастающие в совокупности языков, называть “полицентрическими языками”, точнее, языками “плюралистическими относительно центров стандартизации” – “*pluricentric languages*” (Clyne (ed.) 1992). В Европе и Северной Америке к полинациональным языкам относятся английский, испанский, французский, португальский, немецкий, итальянский, голландский, сербский и хорватский (последние два языка по конституции Республики Босния и Герцеговина (1993) признаны, наряду с боснийским языком, “официальными” языками государства); воз-

можно, некоторые другие языки. В XVI–XVII вв. полигосударственным языком был польский: кроме Королевства Польского, он широко использовался в Великом княжестве Литовском – в культурном общении и книгоиздании православных и униатов (наряду с официальным канцелярским (до 1696 г.) языком Княжества – белорусско-украинской простой мовой).

Дивергентные процессы зарождаются, естественно, в живой устной речи, однако с течением времени распространяются на узус, что в принципе ведет к дивергенции структур “стволового языка” и его варианта. При социальной необходимости узусальные инновации могут быть кодифицированы; в таком случае они составят дифференцирующий компонент в региональной (национальной) норме полигосударственного языка. В компьютерных программах проверки орфографии легко видеть, например, 20 территориальных вариантов испанской орфографии, по 9 – французской и английской, 5 – немецкой, по 2 – голландской, итальянской, португальской. При этом в “Word’e” ни один из вариантов английского (включая “английский карибский”, “английский Южной Африки”, “английский Новой Зеландии”, “английский на Ямайке”) не назван “стандартным”.

Национальные варианты полинациональных языков имеют различный демографический вес и социальный статус в странах колонизации или рассеяния. В ряде случаев такой национальный вариант функционирует в условиях государственного (закрепленного в законе) двуязычия; иногда он обладает высшим юридическим статусом; иногда делит высокий статус с другим языком; иногда вынужден довольствоваться положением языка этнического меньшинства, не упомянутого в законе. Русский язык в качестве полинационального языка находится в начале своей истории (см. ниже раздел 4).

В российской русистике опыт осмысления новой реальности представлен в книге *Русский язык в межнациональном общении: Проблемы исследования и функционирования* (2001), написанной в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН (в Отделе изучения русского языка как средства межнационального общения). Показательно, что в силу новизны темы три автора коллективной монографии по-разному видят ее предмет (что отметил рецензент книги; см. Иванов 2002, 255). Один автор (В. Н. Белоусов) в любой русской речи за пределами России видит только “неисконно русскую речь” или “смешанную речь”; Т. Ю. Познякова называет речь людей с родным РЯ в условиях межнационального общения “адаптированной формой существования русского языка в многоязычном социуме” (стр. 73); в третьем разделе (написанном Э. А. Григоряном) пред-

ставлена принципиальная и знаковая перемена в определении РЯ за границами РФ – без кавычек и метаязыкового маркера “пресловутый”: “[...] под пресловутыми «национальными вариантами русского языка» следует понимать национальные варианты русского языка” (Русский язык 2001, 151).

4. ТЕНДЕНЦИЯ К РЕГИОНАЛИЗАЦИИ НОРМ ЛИТЕРАТУРНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА В НОВЫХ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВАХ

4.1. Полинациональные языки существуют в виде ряда национальных вариантов. За пределами ареалов РЯ в России РЯ представлен в разных формах существования; основные из них такие: 1) речь людей, для которых РЯ не является родным (материнским) и/или основным языком коммуникации; 2) постепенно уходящая русская речь репатриантов и эмигрантов четвертой (“экономической”) волны, включая и временный расцвет русскоязычной словесности в Израиле; 3) РЯ зарубежных центров СМИ и книгоиздания, адресующих свою продукцию русскоязычным как в ближайшем ареале, так в СНГ и странах Балтии; 4) РЯ в тех странах СНГ, где он имеет определенный официальный статус, где он преподается и на нем ведется обучение в средней и высшей школах; он используется в СМИ и книгоиздании; для части жителей он является их родным (материнским) языком и основным языком общения.

В ситуациях, представленных в 4-м случае, возникают предпосылки для регионализации стандартного РЯ. Указанные предпосылки состоят в следующем: 1) языковое существование протекает в отдельном государстве или автономии; 2) имеется достаточно многочисленное русскоязычное население, в том числе интеллигенция, т. е. тот социальный страт, речь которого оказывает влияние на речевой узус окружающих, поскольку воспринимается ими как речь “культурная” или престижная.

Региональные изменения в литературном РЯ пока не противостоят нормам РЯ, в особенности с учетом раскованности языка СМИ и разговорной речи. Почти все наблюдаемые различия можно квалифицировать как изменения в частоте или продуктивности явлений, которые или обычны для российских СМИ, или по меньшей мере приемлемы окказионально.

4.2. В частности, по данным Н. Ю. Авиной (2003), в русской речи в Литве активизируются интернационализмы: по сравнению с Россией, в Литве они в большей мере насыщают русскую речь; к тому же круг новых заимствований более широк, чем в России. Например,

в русскоязычных телепрограммах, в журнальных и газетных текстах в Литве обычны такие слова, как *абсолювент* 'выпускник (гимназии, лица)', *амбасада* 'посольство', *аттракция* 'развлечение', *дименсия* ('размерность, измерение, аспект'; ср. приводимый контекст: *вернуть политике моральную дименсию*), *каденция* 'срок полномочий', *прелиминарно* 'предварительно, заранее', *продекан* 'замдекана', *резистенция* '(вооруженное) сопротивление', а также *резистентное движение*, *резистент* (контекст: *перезахоронение останков резистентов*), *сигнатор* 'лицо, подписавшее документ', *фундатор* 'основатель фонда, спонсор', *хабилитация* (и *габилитация*) 'защита диссертации или издание научных трудов, дающие право на более высокий ранг профессора' и т. п. Некоторые из интернационализмов в русскоязычных СМИ в Литве встречаются в новых или модифицированных значениях (по сравнению с российским узусом): *акция* 'торговая скидка', *аренда* ('временное пользование имуществом на договорных началах за плату, причем не только недвижимым имуществом'; ср. контекст: *аренда свадебных и вечерних нарядов, платьев для первого причастия*), *кредит* 'единица измерения учебного времени', *студия* 'курс, учебная дисциплина', *термин* 'срок', *тренинг* 'тренировочный костюм'. Подробно см. Авина (2003).

4.3. Отмечу далее ряд речевых особенностей русскоязычных СМИ и интеллигентской русской речи в Беларуси: 1) большая распространенность метонимического употребления слов *московский*, *Москва*, *москвичи* в значениях соответственно 'русский, российский, Россия, русские' (ср. *В Москве праздники длиннее; По какому-то московскому каналу передавали*); 2) в применении к лицам женского пола большая распространенность женских соответствий: *заслуженная учительница* (не *заслуженный учитель*), *преподавательница*, *чемпионка*, *массажистка*, в том числе в официально-деловых контекстах; 3) большая распространенность называния деятелей культуры, науки, политики без отчества; 4) большая распространенность постсоветских вариантов этнопонимов (*Беларусь*, *Молдова*, *Татарстан*); 5) более книжный характер, прежде всего лексически, публичных выступлений (речь телевизионного комментатора; телеинтервью депутата, чиновника и т. п.); 6) в устной интеллигентской речи менее употребительны редуцированные и стяженные формы (как *Пал Палыч*, *Николавна* (в Беларуси чаще говорят *Павел Павлович*, *Николаевна*); как вокативы *Зин*, *Вань*, *мам*; как приветствие *Здрасьте*); напротив, встречается произнесение двойных согласных: *грамматика*, *аллея*; 7) иное материально-языковое наполнение разговорной речи: в Бела-

руси в неофициальном (обиходном) общении русскоязычных отсутствует собственно русская диалектно-просторечная лексика; 8) если в русских городах подчеркнутая раскованность речи, языковая игра, форсированная простецкая экспрессия связаны с обращением к просторечию, то в белорусском варианте РЯ в этих случаях звучат белорусские слова и обороты или слова, общие для двух языков, но в белорусской фонетико-морфологической оболочке (типа *Усё; Другім разам; Амаль што; Яшчэ крыху; А каб на цябе; Як той казаў; З нагоды пагоды; Во пачвара!; Ну и поскудзь!* и т. п.).

4.4. По большому счету, перечисленные инновации обусловлены ареальным фактором – влиянием на русскую речь в Литве и Беларуси контактирующих языков, причем не только “своего” государственного, но и соседних языков (в Беларуси, в частности, польского и украинского; в Литве – польского и латышского). Важно, однако, что в своих ареалах (Литва, Беларусь) указанные особенности русской речи не воспринимаются как “ошибки” против норм РЯ или как “речевое бескультурье” и т. п. Напротив, они характерны для речи именно образованных людей, вполне владеющих нормами РЯ, и входят, таким образом, в культурный узус русскоязычной речи в своих странах.

При всей мелкости отличий национальных вариантов РЯ от “стволового” РЯ в России, инновации говорят о наличии дивергентных процессов. В перспективе дивергенция не будет интенсивной – в силу доминирования в Беларуси и Украине продукции российских СМИ, – но дивергенция будет иметь место.

4.5. Семиотически особый случай регионализации нормы составляют в белорусском варианте РЯ топоним *Беларусь* (не *Белоруссия*) и в украинском варианте – предлог *в* (а не предлог *на*) в локативных и директивных конструкциях со словом *Украина* (в предложном или винительном падеже): *жить в Украине, поехать в Украину, в Украине люди мягче*. Особенность названных вариантов состоит в сознательно приписанной им национальной маркированности. С 1991 г. в Беларуси в письменной и устной коммуникации на РЯ оным *Беларусь* стали официально передавать так же, как и по-белорусски: *Беларусь*. Это написание закреплено конституционно, оно входит во все официальные наименования, включающие название государства (*Конституционный суд Республики Беларусь* и т. п.). Форма *Беларусь* уже преобладает в культурном русскоязычном узусе Беларуси, особенно на письме, хотя в устной речи по инерции часто звучит и прежний вариант (как и в Украине – конструкции *на Украине*).

Предлог *в* (вместо *на*) в конструкциях с топонимом *Україна/Украина* представляет собой национально-возрожденческую инновацию – как в украинском, так и в русском языке в Украине. Замена мотивировалась тем, что в сочетаниях с названиями государств чаще используется предлог *в*, а с названиями местностей – предлог *на* (укр. *в Грузію, в Польщі, но на окраїну, на Кавказу*), хотя реально дистрибуция совсем не жесткая (*в лісі* ‘в лесу’, *в місті* ‘в городе’, *в Криму* ‘в Крыму’). Впрочем, по большому счету, аргументация в идеологии не важна: конструкции *в Україні, в Україну* пропагандировались как языковой маркер суверенности, и именно в этой функции они и прижились в обоих языках суверенной Украины.

Национальная семиотика рассмотренных вариантов (рус. *в Украине* и рус. *Беларусь*) стала ощущаться и в России. Это проявляется в “политкорректном” употреблении вариантов *в Украине* и особенно *Беларусь* в текстах, адресованных двум группам реципиентов – россиянам и гражданам Беларуси (или гражданам Украины). По сообщению А. А. Тараненко, на бланке посольства России в Украине написано: *Посольство Российской Федерации в Украине* (Тараненко 1999, 66). *Mutatis mutandis* на здании посольства Беларуси в Москве: *Посольство Республики Беларусь в Российской Федерации*.

4.6. Тот факт, что варианты *Беларусь* и *в Украине* закрепились в узусе нормативной русской речи в Беларуси/в Украине, свидетельствует не только о поддержке гражданами “малой” национальной символики, но и о растущем осознании (или ощущении) того, что РЯ в Минске и Киеве, а также в Риге и Вильнюсе может отличаться от московского и при этом быть “правильным” и “культурным”. Это ощущение базируется на общем привыкании к суверенитету своего государства: в конце концов правильно писать по-русски (в том числе писать *в Украине* и *Беларусь*) в этих странах сейчас учат по программам и учебникам, утвержденным в министерствах образования в Киеве и Минске, а не в Москве.

5. ОСЛАБЛЕНИЕ В АРЕАЛАХ БЫВШЕГО СОЦЛАГЕРЯ НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МАРКИРОВАННОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Для новых независимых государств в границах бывших советских республик, а также для бывших союзников по Варшавскому договору и соцлагерю РЯ перестал (или перестает) быть языком “Большого Брата”. Сейчас это язык, во-первых, “Большого Соседа” и “Большого Партнера” (что значительно менее одиозно, чем

“Большой Брат”); во-вторых, это один из региональных языков модернизации и глобализации, поскольку глобализация идет через консолидацию регионов, субконтинентов и континентов. В результате в глазах людей из бывшего соцлагеря РЯ становится все более идеологически нейтральным – не советским и не имперским – и при этом прагматически полезным или даже необходимым (например, при совместном бизнесе с партнерами из любой страны СНГ). Разумеется, сохраняются и прежние факторы привлекательности РЯ: его распространенность, обилие печатной продукции на РЯ и его культурная ценность в качестве языка литературы и искусства мирового класса.

Растущая идеологическая нейтральность РЯ, а с другой стороны, укрепление суверенитета новых независимых государств способствуют сохранению РЯ в ареалах прежнего распространения. Более того, размывание политической компоненты в отношении к “подсоветскому” языку в ряде случаев ослабило пиететическое отношение к национальному языку. На протяжении десятилетий сопротивления русификации и советской власти национальный язык был одним из важнейших символов борьбы за независимость и против большевизма. Украинская эмигрантская печать (до и после Второй мировой войны) писала о национальном языке как о святыне или знамени. Однако после распада СССР и восстановления государственности Украины, по мере укрепления ее суверенитета, когда украинцы переставали видеть в России угрозу своей независимости, национально-символическая и консолидирующая функция украинского языка ослабевала. См. документальные свидетельства этих изменений (в высказываниях эмигрантов), приведенные в работе Ажнюк (1999).

6. НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ОППОЗИЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА ЗА РУБЕЖОМ И РУССКОГО ЯЗЫКА В РОССИИ

С окончанием холодной войны, строго говоря, русской политической эмиграции не существует. Русский язык в дальнем зарубежье используется в трех во всем несхожих типах сообществ русскоязычных людей: 1) репатрианты (в Израиль и Германию), настроенные на скорейшую ассимиляцию в культурно-языковой среде исторической родины; 2) многочисленные диаспоры экономической эмиграции в разных городах Европы и Северной Америки, где также преобладают установки на скорейшее усвоение языка страны пребывания, так что эмигрантским детям-школьникам едва хватает

РЯ для общения с бабушкой/дедушкой; 3) немногочисленные и немногочисленные, но исключительно влиятельные в языковом плане транснациональные кампании (государственные и частные) по производству информационных продуктов на РЯ (прежде всего в сфере массовой культуры), адресованных потребителю как внутри страны пребывания, так и на других территориях, включая Россию и другие страны СНГ. Судя по языку радио- и телепрограмм, периодики и книг, произведенных за рубежом, их авторы ориентируются на языковой узус современной культуры в России. В СНГ и России произведения на “зарубежном” РЯ сейчас уже не являются подпольным чтением, это ходовой товар книжных магазинов, а радиоголоса звучат без глушилок. В результате РЯ зарубежья стал влиятельным каналом, по которому в РЯ приходят заимствования, в особенности такие неприметные для говорящих, как кальки и семантические кальки.

Представленная ситуация резко отличается от яростного противопоставления “советского” РЯ (в России/СССР) и “эмигрантского” РЯ послереволюционной эмиграции. Классовой ненавистью были одержимы оба лагеря. У эмигрантов первой волны язык “Совдепии” (в том числе идеологически вполне нейтральные новые слова и обороты) вызывал отвращение; совершенно не принималась новая орфография (1918 г.); примерно до Второй мировой войны эмиграция продолжала писать и печатать по-дореволюционному. Эмигранты первой волны считали свое изгнание временным, они “годами жили на чемоданах, ожидая скорого возвращения на родину” (Земская 2001, 67), мечтая вернуться в “свою” Россию, причем по-прежнему хозяевами жизни и со “своим” РЯ. У них были возможности – и интеллектуальные, и материальные – действительно сохранить РЯ не только в семье, но и в образовании, книгоиздательстве, журналистике.

Если беженцы от революции (первая эмиграция) “хранили свою «русскость» и гордились ею” (Земская 2001, 67), и именно потому во многих семьях на протяжении жизни ряда поколений, включая и начало XXI в., культивировали владение РЯ, то у современных “экономических” эмигрантов из России нет ни намерений, ни особых возможностей сохранять культурный РЯ. Это вообще не их идеология. Литературный РЯ за рубежом сейчас сохраняется не собственно в эмиграции, а в транснациональных центрах по производству информационных продуктов на РЯ. При этом зарубежный культурный РЯ достаточно близок к литературному РЯ России. Конечно, это плоды не только разрядки, но и глобализации. Однако политические пружины действуют более непосредственно: не случайно конвергентные

изменения в облике “зарубежного русского” начались с окончанием Второй мировой войны; именно тогда эмигрантская печать перешла на новую орфографию. Сближение зарубежного РЯ с литературным РЯ России, конечно, не является собственно языковой эволюцией; просто со сменой политического климата в редакции зарубежных радиостанций и издательств, а потом и в телекомпаниях постепенно приходили другие люди. Стирание различий между литературным РЯ за рубежом и в России означает ареальную консолидированность РЯ, что усиливает его влияние в мире.

7. ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ РЯ НА ЕГО ОСНОВНОЙ ТЕРРИТОРИИ

Что касается “внутренних” социолингвистических изменений в постсоветском РЯ (т. е. изменений, происходящих в самом языке и на его собственной территории), то после ряда панорамных исследований (см. Земская (ред.) 1996; Širjaev (ed.) 1997; Земская 2004) они хорошо известны.

Прежде всего это процессы, которые обобщают емкими словами *демократизация* и *либерализация* языка: растет коллоквиализация повседневного культурного узуса; в СМИ и публичной речи все шире используются жаргонизмы, быстро входящие в общий обиход. Показательно в этом плане понятие “общего русского жаргона”, узаконенное авторитетом известных русистов (см. Ермакова и др. 1999): жаргонизмы, в концепции авторов, – вовсе не изгой культурного узуса; напротив, это “слова, с которыми мы все встречались”, они избразительны и экспрессивны.

В литературном языке идет дальнейшее размывание границ между кодифицированным и разговорным языком, причем не разговорный язык “равняется” на книжный (в результате чего он становился бы более строгим и разборчивым, синтаксически выдержанным и т. д.), а, напротив, идет либерализация норм кодифицированного языка. Основным источником и каналом этих процессов является массовая культура, в первую очередь СМИ и Интернет.

В постсоветском РЯ активизировались процессы лексического заимствования; растет употребительность интернационализмов и других заимствованных слов (в чем можно видеть также и либерализацию языка, а именно терпимость к “чужому” и “новому”).

В текстах СМИ, далее, усиливается личностное начало и диалогичность; возрастает “постмодернистская” интертекстуальность (мозаичность, цитатность) высказываний; повсеместно (как в разговорной

речи, так и в публичной) распространяются “стёб” и “ёрничество”, направленные на пародийное развенчание языка советского тоталитаризма.

8. РУССКИЙ ЯЗЫК: ЧЕЙ ОН?

Некоторые из отмеченных тенденций и явлений в текущей истории РЯ – его функционирование в качестве полинационального языка; признаки регионализации литературного РЯ и появления его национальных вариантов; численный рост русскоязычных диаспор в дальнем зарубежье; нейтрализация различий между РЯ зарубежных информационных центров и РЯ России – в совокупности означают известную космополитизацию РЯ. Он становится языком не только русских и России, но и одним из мировых языков, у которого нет одного “хозяина”.

Понимание того, что русскость и РЯ рассеиваются по всему миру, теряют географическую и государственную “привязку” и в результате размываются, вызывает у русской, в особенности московской, интеллигенции космополитические настроения. Типологически это ожидаемо: известно, что первые космополиты – это жители империй. Как пишет А. Звежиньска, исследовательница понятия “родина” в английском языке, Черчилль был последним политиком, употреблявшим понятие национальной родины (*home, motherland*), чтобы поднять народ на борьбу против Германии. Однако для этого ему пришлось представить “понятие ‘государство’ как ‘объединение индивидуальных домашних очагов’ [...], а понятие ‘национальной родины’ как ‘дом отдельного человека’ (*one man’s home*)” (Zwierzyńska 1993, 284–285).

Если первые космополиты родом из метрополий, то вторые – это жители имперских окраин. Их национальная самоидентификация размыта в силу двойного статуса: они дети и своей малой родины (“имперской окраины”) и большой – Империи.

В Украине и Беларуси иногда слышны голоса о том, что в богатстве и славе России есть труд и талант, кровь и пот всех народов, которые некогда объединяла Российская Империя/Советский Союз, и что у каждого народа есть право на свою долю в общем богатстве, например, на долю в российской нефти. В Беларуси любят говорить о белорусских корнях Ивана Федорова, Михаила Глинки, Достоевского, Андрея Громыко, в Украине – об украинской родословной Гоголя, Бердяева, Михаила Булгакова. В книге “100 великих украинцев” (Киев, 2002) можно прочесть биографии Репина, Айвазовского, Влади-

мира Вернадского, Максимилиана Волошина, Исаака Бабеля, Анны Ахматовой, Виктора Некрасова ...

Аналогичное право распространяется и на русский язык: “это и наш язык”. Приведу одну из отчетливых артикуляций такого отношения к РЯ. В августе 1998 г. президент Беларуси А. Лукашенко на встрече с белорусскими писателями, обращаясь к ним как к вчерашним помощникам советской власти, говорил: “Гэта ж вы [...] агітавалі за рускую мову, за агульнасць савецкага народа, навучылі мяне рускай мове. Хоць гэта мова, якая належыць не толькі рускаму народу, я прэтэндую на тое, што гэта і наша мова. Там і наша часцінка, беларуская” (Стэнаграма 1998).

Беларусь – отнюдь не уникальный случай в глобалистском этно-языковом развитии. По степени русифицированности ее догоняет Украина: несмотря на 14 лет государственного суверенитета, более того, именно вследствие упрочения суверенитета и связанной с этим растущей национальной нейтральности (“ничейности”) РЯ¹, он вытесняет национальный язык из повседневного обихода и из СМИ. Лишенный лексической подпитки “своей” разговорно-диалектной речи, нерусифицированный национальный язык маргинализируется, закрепляясь в сфере не массовой культуры, но книжно-письменной (историко-филологические сочинения, художественная литература, нередко в элитарном вкусе). За пределами основной территории РЯ степень его нормативности (в устном общении, в печатной продукции и СМИ, в преподавании) по отношению к московской кодификации может быть различной. Однако для укрепления русского языка в мире по большому счету это вопрос далеко не первой важности.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ “Государство Украина состоялось. И пребудет во всем «обозримом историческом будущем»” (Дзюба 1998, 26); “Наверное, главное в том, что перестали уже смотреть на Россию как на «старшего брата», как на образец для подражания. Приверженность своей стране с вектором на Запад укореняется в народе. [...] Мирная русская экспансия не угрожает. А на военную не осмелятся: Европа и Америка присматривают” (Амосов 2003, 402).

ЛИТЕРАТУРА

- Авина, Н. Ю.: 2003, ‘К исследованию языка диаспоры: лингвистический аспект (на материале русских Литвы)’, *Русский язык в научном освещении* 2(6), 5–13.
- Ажнюк, Б.: 1999, ‘Українська мова в Новому Світі’, Jermolenko, S. (red.), *Українська мова* (= Najnowsze dzieje języków słowiańskich), Opole, 239–269.
- Алпатов, В. М.: 2003, ‘Русский язык в современном мире’, Чельшев, Е. П. (ред.), *Решение национально-языковых вопросов в современном мире*, 426–430.

- Амосов, Н. М.: 2003, 'Россия: взгляд со стороны', *Энциклопедия Амосова: Алгоритмы здоровья. Человек и общество*, Москва, Донецк, 384–403.
- Байрамова, Л. К.: 2001, *Татарстан: языковая симметрия и асимметрия*, Казань.
- Бидер, Г.: 2003, 'Русский язык в Австрии', *Русское слово в мировой культуре. X Конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Круглые столы: Сборник докладов и сообщений*, Санкт-Петербург, 262–268.
- Дзюба, И.: [1966] 1973, *Интернационализм или русификация*. С приложением выступления Дзюбы в Бабыем Яру 29 сентября 1966 г. (перевод с украинского), London.
- Дзюба, И.: 1998, '«Есть жизнь, есть надежда...»: Неполитические размышления политического маргинала', *Дружба народов* 3, 20–26.
- Ермакова, О. П., Земская, Е. А., Розина, Р. И.: 1999, *Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона*. Около 450 слов, Москва.
- Жлуктенко, Ю. А. (ред.): 1981, *Варианты полинациональных литературных языков*, Киев.
- Земская, Е. А. (ред.): 1996, *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*, Москва.
- Земская, Е. А.: 2001, 'Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты', Земская, Е. А. (ред.), *Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты*, Москва, Вена (= Wiener slawistischer Almanach, Sonderband 53), 25–277.
- Земская, Е. А.: 2004, 'Активные процессы в русском языке на рубеже XX–XXI вв.', *Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь*, Москва, 513–569.
- Иванов, В. В.: 2002, '[Рецензия на кн.:] Русский язык 2001', *Русский язык в научном освещении* 2(4), 253–257.
- Итоги, 1973: *Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 4. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов*, Москва.
- Итоги, 1989: *Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 4. Национальный состав населения СССР. Ч. 1. Распределение населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и автономных округов по национальности и языку*. Кн. 3, Москва.
- Красильникова, Е. В. (ред.): 2001, *Русский язык зарубежья*, Москва.
- Мечковская, Н. Б.: 1992, 'Статус и функции русского языка в последних советских законах о языке', *Russian Linguistics* 16, 79–95.
- Мечковская, Н. Б.: 2003, *Белорусский язык: Социолингвистические очерки* (= Specimina philologiae slavicae 138), München.
- Население, 2000: *Население Республики Беларусь: Итоги переписи населения Республики Беларусь*, Статистический сборник, Минск.
- Национальный состав, 1991: *Национальный состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.*, Москва.
- Подпоренко, Ю.: 2003, 'Обыватели или демиурги. Русские в Узбекистане: вчера, сегодня, завтра', *Дружба народов* 3, 147–165.
- Русский язык, 2001: *Русский язык в межнациональном общении: Проблемы исследования и функционирования*, Москва.
- РЭС, 2000: *Российский энциклопедический словарь*. В 2 кн., Гл. ред. А. Н. Прохоров, Москва.
- Степанов, Г. В.: 1963, *Испанский язык в странах Латинской Америки*, Москва.
- Стэнаграма, 1998: 'Стэнаграма сустрэчы прэзідэнта Рэспублікі Беларусь з членамі рады Саюза беларускіх пісьменнікаў', *Літаратура і мастацтва* (18.09).
- Тараненко, О. О.: 1999, 'Мовна ситуація і мовна політика часів «перебудови» та державної незалежності України (кінець 80-х–90-ті роки)', Jermolenko, S. (red.), *Українська мова* (= Najnowsze dzieje języków słowiańskich), Opole, 35–66.

- Тараненко, О. О.: 2003, 'Мовна ситуація та мовна політика в сучасній Україні (на загальнослов'янському тлі)', *Мовознавство* **2**, 3, 30–55.
- Челышев, Е. П.: 2003, 'Русский язык как государственный язык Российской Федерации', Челышев, Е. П. (ред.), *Решение национально-языковых вопросов в современном мире*, Санкт-Петербург, 113–123.
- Челышев, Е. П. (ред.): 2003, *Решение национально-языковых вопросов в современном мире*, Санкт-Петербург.
- Шагаль, В. Э.: 2003, 'Языковая ситуация и языковая политика в государстве Израиль', Челышев, Е. П. (ред.), *Решение национально-языковых вопросов в современном мире*, Санкт-Петербург, 113–123.
- Швецова, С. И.: 2003, 'О распространении русского языка в зарубежных странах', Челышев, Е. П. (ред.), *Решение национально-языковых вопросов в современном мире*, Санкт-Петербург, 431–434.
- Bailey, Ch.: 1973, *Variation and Linguistic Theory*, Arlington.
- Brook, G. L.: 1972, *English Dialects*, London.
- Clyne, M. (ed.): 1992, *Pluricentric Languages. Differing Norms in Different Nations*, Berlin, New York.
- Jermolenko, S. (red.): 1999, *Українська мова* (= Najnowsze dzieje języków słowiańskich), Opole.
- Meng, K.: 2001, *Russlanddeutsche Sprachbiografien: Untersuchungen zur sprachlichen Integration von Aussiedlerfamilien*, Unter Mitarbeit von Ekaterina Protassova (= Studien zur deutschen Sprache. Forschungen des Instituts für deutsche Sprache, Bd. **21**), Tübingen, Narr.
- Širjaev, E. (ed.): 1997, *Русский язык* (= Najnowsze dzieje języków słowiańskich), Opole.
- Zwierzńska, A.: 1993, 'Czy pojęcie ojczyzny w języku angielskim jeszcze istnieje?', *Pojęcie ojczyzny we współczesnych językach europejskich*, Praca zbiorowa pod redakcją Jerzego Bartmińskiego, Lublin, 275–286.

Белорусский государственный университет

Минск

nbnm@tut.by